

Среди меломанов всего мира миланский театр «Ла Скала» ассоциируется прежде всего с итальянской оперной классикой. Но это отнюдь не значит, что прославленный итальянский театр, на чьей сцене увидели свет триумфальные постановки опер Россини, Доницетти, Беллини, Верди, Пуччини, чужаку музыкального наследия других стран и народов, игнорирует творчество современных композиторов. «Ла Скала», к примеру, давно сотрудничает с западногерманским композитором-авангардистом Карлхайнцем Штокхаузеном (род. в 1928 году), чью новую оперу «Понедельник» театр недавно показал на своей сцене, вызвав весьма неоднозначные суждения итальянской печати, с которыми мы знакомим наших читателей.

Авангардистская опера на сцене «Ла Скала»

«УНИТА», РИМ.

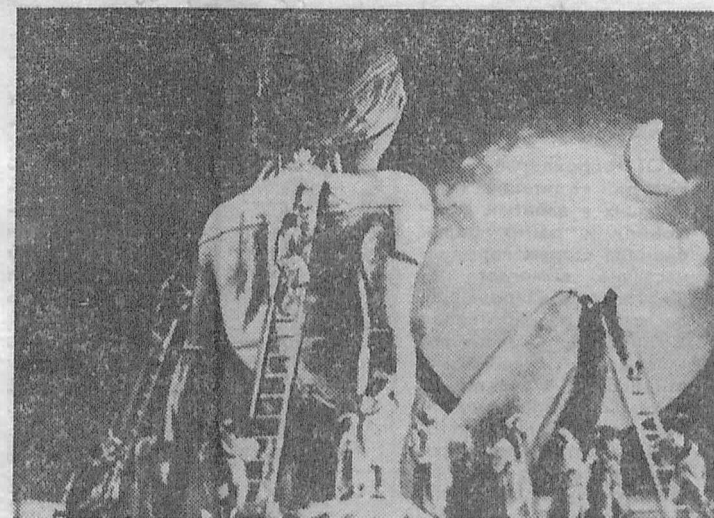
МИЛАН. Таинственная музыка, записанная на пленку, встречает публику в фойе театра: это «Приветствие», исполняемое на бас-кларнете неподражаемой Сюзанн Стивенс. Потом, в «Прощании», прозвучит флейта-пикколо: Катинка Пасвер продолжит инвенцию, прозвучавшую в финале оперы, когда флейтистка, наигрывая мелодио-заклинание, уводит в лучший мир зачарованных детей.

Между «Приветствием» и «Прощанием», двумя музыкальными воплощениями прародительницы Евы, разворачивается действие оперы-притчи Штокхаузена, чередующей эпизоды магии и волхования с юмористическими и чисто пародийными моментами. Главным элементом сценического решения служит гигантская статуя сидищей обнаженной женщины. В первом акте на ее теле размещаются три великолепных сопрано: Мерриверзер, Сарли и Мразова. Ева производит на свет прямо-таки неимоверное количество детей. Вот она дарит миру семь младенцев с головами животных и семь гномов. Это «неудачные роды», как нам объясняет либретто: демоны рождаются раньше ангелов. Однако в конце первого акта Люцифер загоняет всех отпрысков обратно во чрево Евы: весьма мудрое, но запоздалое решение, потому что к концу первого акта чего только на сцене не проис-

ходит! Появляются и вновь исчезают три моряка; няньки, приставленные к орущим младенцам, пускаются в пляс с детскими колясками, Люцифер является в виде ужасного полипа, и его закапывают в землю, один из гномов делает «пи-ли» и так далее.

Во втором акте Ева совершает новую попытку. Действие открывается длинным шествием девочек, затем происходит музыкальное оплодотворение Евы (при помощи парочито удлиненного концертного рояля). Она рождает семерых детей, по одному на каждый день недели. Из груди статуи выходит бас-кларнет (Сюзанн Стивенс) и каждого из детей обучает мелодии его дня. Затем к ней присоединяются еще три солистки на бас-кларнетах, и вместе они подвергают детей обряду посвящения. В третьем акте очаровательная Ева, играющая на бас-кларнете, встречает своего двойника, флейтистку в мужском одеянии. После любовного дуэта разочарованная кларнетистка прячется в статую, а флейтистка околдовывает детей и в поэтическом финале уводит их за собой.

Конечно, нет ничего проще, чем выразить возмущение театральным воплощением оперы «Понедельник» и тем образом женщины, который предлагает Штокхаузен. Как и в первых частях цикла «Свет», и даже в большей степени, поражает та самоуверенность, с которой Штокхаузен берется толко-

Сцена из оперы Штокхаузена «Понедельник» на сцене миланского театра.

Фото «Республика», Рим.

вать высшие истины. Но есть еще и музыкальная сторона, ее не так легко сбросить со счетов. Сегодня он выглядит одиноком на избранной им дороге музыкальных поисков, но ему нельзя отказать в погнотом делая «пи-ли» и так далее.

Уже давно Штокхаузен как бы вновь открыл для себя красоту мелодии и разнообразных стилистических средств и выбрал весьма сложный, но четко выявляемый при прослушивании способ композиции. В опере «Понедельник» тройная формула, лежащая в основе всего цикла «Свет», выявляет свои новые возможности и подвергается сложнейшим трансформациям. Штокхаузен не изменил структуралистскому мышлению, но привнес в него мотивы восточной философии, долгие медитации, тенденцию интерпретировать звук, даже однуединственную ноту как особую, неповторимую сущность, которую хочется продолжать и развивать.

Музыка «Понедельника» дает слушателю ощущение времени, отличное от повседневного, погружает его в мир магии и заклинаний, основанных подчас на очень простых, прямо и непосредственно действующих музыкальных средствах (день Евы оказывается днем мелодии). Записанные на пленку хоры, а также звуки трех синтеза-

торов, замещающих оркестр, создают эффектную музыкальную среду. Наряду с банальными музыкальными кусками встречаются и мастерски написанные. Уже в первой части цикла «Свет», в «Четверге», записанные на пленку хоры оказались наиболее значительным из созданного поздним Штокхаузеном. В «Понедельнике» в начале первого акта записанные хоры присоединяются

к живым голосам солисток-сопрано, образуя потрясающие сочетания звуковых структур. Но после такого замечательного начала дальнейшее развитие первого акта оказывается слабым, музыка страдает от тяжеловесных и неудачных покушений автора на юмор. Но вот в начале второго акта обрядовое пение девочек-цветов, проходящих медленной процессией по затемненной сцене, достигает желаемого эффекта. Затем следует эпизод с оплодотворением (соло на фортепьяно в блестящем исполнении Эмара, но музыка чересчур сильно напоминает Дебюсси и Скрябина). В эпизодах, где доминируют бас-кларнет и детские голоса, автору удалось достичь рассчитанного эффекта очаровательной «наивности»: эту же тему развивает и третий акт, где звучат любовный дуэт и чудесный, поэтический финал.

Хотя эта музыка тесно связана с театральной постановкой, она, возможно, была бы от концертного исполнения. Однако такой вывод никак не должен звучать упреком режиссеру Михаэлю Богданову и художнику Крису Дайеру, точно следовавшим воле композитора. Музыкальное исполнение было выше всех похвал.

Меркнущий «Свет»

«РЕПУБЛИКА», РИМ.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ Карлхайнц Штокхаузен продвигается в работе над музыкальным циклом «Свет», тем больше мы, слушатели, погружаемся во тьму. «Свет», как известно, грандиозная вещь. Предполагается, что, когда работа над циклом завершится, его постановка будет продолжаться в течение семи дней. Цикл «Свет» имеет подзаголовок «Семь дней недели». Пока закончены только три части. После «Четверга» и «Субботы», поставленных «Ла Скала» в 1981 и 1984 годах, теперь мы знакомимся с оперой «Понедельник».

И вновь премьера постановки «Ла Скала». Театр верен подписанному с автором договору об эксклюзивном праве на первую постановку

заслуженную славу одного из первых композиторов XX века. Но теперь Штокхаузен сочиняет космогонии, в которых музыка является лишь одним из слагаемых, причем отнюдь не самым интересным. Исчез оркестр, музыкальное сопровождение спектакля записано на пленку, с которой солисты, певцы, хор вынуждены координировать свои партии.

С тех самых пор, как Штокхаузен перешел на «ты» с небесными сферами и углубился в восточную мистику, он и музыку свою связал с неким неогностицизмом, в котором мучительно трудно за ним следовать. Слушатель не получает наслаждения от его музыки, а весь «Свет» сводится лишь к нескольким проблемкам...

Замысел «Света», конечно, грандиозен и неслыханно сложен. Та формула, которая жестко определяла музыкальную композицию таких работ, как «Мантра» и «Круг зверя» (высоту звуков, интервалы, длительность, ритм, интенсивность, динамику), здесь стала суперформулой. Каждый из дней, на которые делится «Свет», основан на одной из частей суперформулы, лежащей в основе всего «Света». В результате получается наложение друг на друга лейтмотивов Михалла, Евы и Люцифера. Сама по себе музыкальная схема и сложна, и не лишена стройности. Но как бы хороша ни была схема, желательно, чтобы и до слушателя доходила хотя часть ее красоты. В «Понедельнике» дела по этой части обстоят неважно.

Два года назад на фестивале в Меце третий акт «Понедельника» был дан в концертном исполнении в качестве предварительного прослушивания. Подлинная музыка зазвучала только в последнем пятиминутном отрывке этого концерта. Это была детская незрелая и поверхностная музыкальная фантазия, но полная поэтического очарования. Мы наделись найти в полном тексте оперы хотя бы еще пять таких же музыкальных минут. Но, увы, оказалось, что во всем этом бредовом и дорогостоящем действе, помимо тех пяти минут, другой музыки нет. Или почти нет.

Но зато, не стесняя себя ничем, мешая усложненную символику с банальными замесами, глубокими

лине с грубым натурализмом, Штокхаузен подвергает серьезному испытанию терпение слушателя. Только тот, кто рассматривает собственный цуп как центр мироздания, может себе позволить игнорировать вещи, которые другие люди называют вкусом, умеренностью, чувством меры. Поощаим чувства наших читателей и не будем говорить подробнее.

Все это не могло не отразиться и на музыкальной стороне. Может показаться странным, как мог создатель одного из ведущих музыкальных направлений XX века написать хор урсулинок, открывающий второй акт. Он тянется бесконечно и написан на основе музыкальных формул так называемых минималистов. Впрочем, не название важно, а та скука, которая исходит от этого хора и угнетает слушателя. И не производят никакого особенного впечатления звуковые эффекты, усиленные динамиками и как бы передающиеся по кругу. Не доставляют наслаждения отрывки из любовных музыкальных произведений, равно как и записанные на пленку голоса животных, железнодождные и анимационные шумы. Штокхаузен выступает как певец бесконечно малого, помещенного и бесконечно огромного пространства. Причем места ему все равно всегда не хватает. Бесспорно одно: у Штокхаузена есть все качества, каких может пожелать композитор, но у него нет ни малейшего чувства театра. Но зачем тогда стремиться к театральной постановке этой чудовищной партитуры, сопровождаемой, кстати, ремарками, столь же обязательными для исполнения, как и музыкальные указания? В результате мы вынуждены наблюдать, как в течение сорока пяти минут тащут колыски с новорожденными и как целая ватага статистов раскатывает их во все четыре стороны.

Режиссер Михаэль Богданов, художник-постановщик Крис Дайер и художник-костюмер Марк Томпсон делают все от них зависящее, часто игнорируя авторские ремарки. Как бы то ни было, сложность сценического решения сама по себе вызывает восхищенные аплодисменты. Совершенно великолепно музыкальное исполнение.